

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.6

Тимонин Анатолий Николаевич

Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия, timonin.anatoly2011@yandex.ru

ОБ ОДНОЙ ИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСТОКОВ РУСИ¹

Аннотация. Актуальной задачей всех гуманитарных наук нашей страны является задача самопознания России, выявление ее глубинных исторических корней. Цель: проанализировать основные моменты эволюции одной из социокультурных моделей истоков Руси на протяжении довольно длительного периода – с конца 40-х годов прошлого столетия и вплоть до настоящего времени. При написании статьи автор руководствовался междисциплинарным и цивилизационным подходами, отдельными положениями евразийской теории. Использовались общенаучные и частнонаучные методы: проблемно-теоретический, сравнительно-исторический, формально-логический, сочетание цивилизационного, институционального и функционального подходов, регионального и локального. Результаты исследования позволили выявить сильные и слабые стороны модели аланского происхождения Руси, в которой слишком многое остается гипотетичным. В ее рамках находят решение одни вопросы и остаются нерешенными другие. Тюркский компонент в ней лишь обозначен, но не раскрыт ни по отношению к Древней Руси, ни применительно к «аланскому Русскому каганату». До сих пор не преодолен дисбаланс между историческим и логическим, что повышает уязвимость данной модели для критики. Но живучесть подобной модели – яркое свидетельство актуальности евразийского подхода к истории Руси, выявлению ее реальных социокультурных истоков.

Ключевые слова: аланы, русь, истоки Руси, социокультурная модель, этногенез, политогенез

Для цитирования: Тимонин А.Н. Об одной из социокультурных моделей истоков Руси // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 54–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.6.

© Тимонин А.Н., 2021

¹ Статья публикуется по итогам Международной научно-практической конференции «Российская государственность в веках: многообразие, единство, суверенитет», прошедшей в Уфе 15 октября 2021 г.

Original article

Timonin Anatoly Nikolaevich

Bashkir State University,

Ufa, Russia, timonin.anatoly2011@yandex

ON ONE OF SOCIOCULTURAL MODELS OF THE RUSSIA ORIGIN

Abstract. The urgent task of all the humanities of our country is the task of Russia's origin knowledge, the identification of its deep historical roots. Purpose: to analyze the main points of the evolution of one of the sociocultural models of the origin of Russia over a fairly long period – from the late 40s of the last century and up to the present day. Methods: when writing the article, the author was guided by interdisciplinary and civilizational approaches, certain provisions of the Eurasian theory. General scientific and specific scientific methods were used: problem-theoretical, comparative-historical, formal-logical, combination of civilizational, institutional and functional, regional and local approaches. The results of the study revealed the strengths and weaknesses of the Alanist Rusi model, in which too much remains hypothetical. Within its framework, some issues find their solution and others remain unresolved. The Turkic component is marked, but not disclosed not only in relation to Ancient Russia, but also in relation to the «Alan Russian Khaganate». The imbalance between the historical and the logical has not yet been resolved, increasing the vulnerability of this model to criticism. But the vitality of such a model is an evidence of the relevance of the Eurasian approach to the history of Russia, to the identification of its real sociocultural origins.

Keywords: alans, rus, origin of Rus, sociocultural model, ethnogenesis, polytogenesis

For citation: Timonin A.N. On One of Sociocultural Models of the Russia Origin. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 4, pp. 54–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.6. (In Russian).

Вопреки расхожим представлениям, навеянным стихотворением британского колониального поэта Р. Киплинга «Восток и Запад»: «Да, Запад есть Запад! Восток есть Восток! Не встретиться им никогда, пока не сойдутся Небо с Землей пред Господом в день Суда», история человечества не раз демонстрировала примеры конвергентного развития отдельных цивилизаций. Ярким проявлением столь своеобразного развития, если верить евразийцам, служила и служит наша страна. Правда, с таким подходом к решению вопро-

са о цивилизационной идентификации не только России, но и Руси согласны далеко не все.

Решительным противником евразийства зарекомендовал себя самый нелюбимый ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков, утверждавший, что «...после вековой оккупации вокруг Киева возникли устойчивые центры оседлой цивилизации. Эта цивилизация была частично норманской, частично византийской – и лишь на третьем месте – восточной» [1, с. 62].

Гораздо категоричнее отрицал евразийскую природу Руси академик Д.С. Лихачёв, определявший ее в качестве «Скандославии». При таком подходе какие-либо восточные влияния, какие-либо восточные компоненты отрицались по определению [2, с. 113].

Та же мысль, но в более широком контексте была не так давно выражена петербургским историком А.А. Хлевовым, который выдвинул идею «симбиоза» Руси и Скандинавии, сложившегося в рамках «балтийской цивилизации» [3, с. 80]. Еще шире мыслит И.Н. Ионов, поместивший Древнюю Русь в границы европейской цивилизации, правда, в качестве ее периферийного варианта [4, с. 68].

На фоне европоцентристских атрибуций явной аномалией выглядит позиция, занятая Л.П. Поляковым – соавтором школьного учебника с весьма характерным названием – «Основы современной цивилизации». С его точки зрения, Русь IX–X вв. есть не что иное, как «безымянная цивилизация» [5, с. 90]. При всей очевидной уклончивости данной позиции, по сути дела означающей отказ от решения вопроса о цивилизационной идентификации Руси, она все же содержит латентный мотив несогласия с широко распространенными в отечественной научной литературе норманистскими (и еще шире – европоцентристскими) взглядами на социокультурную природу Древнерусского государства.

В самом деле, при рассмотрении социокультурных истоков Руси сквозь призму европоцентризма многое, слишком многое, чем изначально различались Восток и Запад Европы, остается необъясненным, а нередко и необъяснимым. Так, среди памятников права Древней Руси особое место занимают русско-византийские договоры. Имена людей, посланных от Олега, великого князя русского, способны разочаровать любого панслависта: Карлы, Инегельдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнь, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фость, Стемид [6, с. 18]. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство из них никакого отношения к славянам не имели. Но из тех же текстов мы узнаем, что всем без исключения представителям «рода русского», будь они балтами, как Апубъксарь, Каницар, Искусеви, или же скандинавами, как Свень, упомянутым в договоре Игоря, приходилось приносить клятвы не Тором и Одним, не Витаутусом, а славянскими

божествами Перуном и Волосом. Кроме того, еще в 1925 г. А. Калмыков обратил внимание на то, что «в десятом веке летопись упоминает среди русских представителей, подписавших договор с Византией, имена: Froutan (Feridoun, Thraetaona), Sfendr, или Sfaindr (Asfendiar), Istr, Prasten, Frasten, или Fursten (Roustem), и другие иранские имена» [7, p. 69].

Продолжая эту тему, необходимо вспомнить еще один религиозный эпизод, связанный с попыткой Владимира Святославича так преобразовать языческий пантеон Руси, чтобы угодить населению только что захваченной им Киевщины. В летописи по этому поводу, по поводу религиозных начинаний этого правителя, сказано следующее: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» [6, с. 37]. Язычество восточного славянства в целом и данный эпизод в частности стали объектом специального монографического анализа, проведенного М.А. Васильевым. Исключив из этого перечня Перуна и Мокошь, ему удалось выявить не только сугубо локальный, как сказали бы мы сегодня, южнорусский характер большинства языческих божеств, попавших в летописный перечень, но и иранское происхождение Хорса и Семаргла [8, с. 124].

Коль скоро мы упомянули Киев, нельзя пройти мимо легенды об основании этого города тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом. Казалось бы, что славянство первого из братьев, особенно после специальных лингвистических исследований академика О.Н. Трубачёва, не подлежит никаким сомнениям [9, с. 132–136; 10, с. 210–234]. Но стоит ознакомиться с более ранним – армянским – вариантом этой легенды, достоверность которого была признана другими академиками, Н.Я. Марром и Б.А. Рыбаковым, как былая уверенность исчезает [11, с. 44–66; 12, с. 105–106]. Дело в том, что самую раннюю версию легенды Н.Я. Марр опознает как «драгоценное скифское предание», в котором вместо славянского перевозчика Кия, пересекавшего Днепр, фигурирует скифский божественный персонаж Куар. Где именно армянские и русские книжники могли ознакомиться со столь древним преданием, сказать трудно. Правда, ситуация несколько проясняется благодаря трудам отечественных историков, которые давно обратили внимание на рассказ епископа Исраэля, побывавшего в 682 г. с особой миссией в «стране гуннов», содержащийся в «Истории агванов», принадлежащей перу автора X в. М. Каганкатваци. В числе прочих сведений там содержится сообщение о верованиях жителей этой страны: «Они думали, что почитаемый ими бог Куар производил искры ... молний и эфирные огни. ...Также они приносили в жертву жареных лошадей какому-то чудовищному, громадному герою, называя его богом *Тангрихан*, которого Персы называют *Аспандеат*» [13, с. 193].

Комментируя это сообщение, А.В. Гадло пришел к выводу о том, что «культ Куара-Аспандиата» представлял собой «трансформированный культ ираноязычных кочевников, вероятнее всего, массагетов-маскутов» [14, с. 147]. Несколько позже это мнение было принято С.Г. Кляшторным, правда, с одним уточнением: «Унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом "громовержца" Тенгри-хана» [15, с. 123]. Сопоставив имя бога Куара с иранским словом «хуар» (солнце), А.В. Гадло подчеркнул глубокую древность культа, а С.Г. Кляшторный – его широчайшую распространенность среди скифов, сарматов и аланов.

Небезынтересно, что о каких-то русах, появившихся по соседству с гуннами Кавказа, незадолго до миссии епископа Исраэля повествовали отдельные восточные авторы. Так, Абу-Джафар ат-Табари приводит высказывание правителя Дербента, адресованное арабскому военачальнику Абдуррахману: «Я нахожусь между двумя врагами, один – Хазары, а другой – Русы, которые суть враги целому миру, в особенности же Арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет» [16, с. 74]. Если столь ранняя (643 г.) датировка такой локализации русских воинов по ат-Табари верна, то они могли заимствовать «скифскую легенду» от своих ираноязычных соседей либо унаследовать от ираноязычных предков – наряду с другими элементами иранского наследия, выделенными еще С.П. Толстовым [17, с. 51–53].

Еще один «иранский сюжет» связан с давней дискуссией норманистов и антинорманистов по поводу славяно-русского параллелизма, проявившего себя в области наименований днепровских порогов. В свое время весьма эрудированный византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империй» указал на расхождение славянских и русских названий порогов на Днестре [18, с. 47–49]. Данное обстоятельство норманистами веками рассматривалось в качестве одного из самых надежных свидетельств в пользу скандинавского происхождения Руси. Но украинскому археологу Ю.В. Брайчевскому, использовавшему осетинский языковой материал, удалось выявить иранское происхождение «русских» наименований днепровских порогов. Так, анализ первого же из порогов – Эссупи (не спи), показал, что «э» – начальная частица, звучавшая именно таким образом в источнике, была преобразована норманистами в «не». Столь произвольная реконструкция вынудила норманистов «вносить в текст инъектуру – "н–", не объяснимую никакими фонетическими соображениями». В результате между изначальным «эс-супи» источника и «русской» реконструкцией В. Томсена «ne sofі» или же «ne sue-fe» А.Х. Лерберга – очевидная разница. В осетинском же языке, как подчеркивал В.И. Абаев, «аэ» – «негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо.

Еще более убедительной представляется осетинская этимология названия четвертого порога – Айфор, которое, по Ю.В. Брайчевскому, производно от осетинского «Ажк (Аж)» – «яйцо», и fars (*fors – «бок», «ребро», «порог», вместе: «порог гнездовой») [19, с. 25–26]. Норманисты же сколько-нибудь приемлемой этимологии данного названия предложить не смогли.

Подробное изложение статьи Ю.В. Брайчевского заняло бы слишком много места, поэтому перейдем к ее заключительной части, где содержатся основные выводы. Один из них сводится к тому, что возникновение «русской» номенклатуры порогов произошло «в последние века до нашей эры», когда «сарматские полчища затопили южнорусские степи». Гораздо позже, по его мнению, появились славянские названия этих порогов – «после разгрома гуннов», то есть не ранее середины V в. Конечный же вывод Ю.В. Брайчевского гласит: «"Русь" Константина Багрянородного – это не норманская и не славянская, а сарматская "Русь", сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины» [19, с. 28].

Результаты этимологических изысканий Ю.В. Брайчевского привлекли внимание видного отечественного антинорманиста А.Г. Кузьмина, который в целом оценил их положительно. Но в совместной статье с Е.С. Галкиной он выразил несогласие с датировкой Ю.В. Брайчевским времени названий днепровских порогов и с этнической атрибуцией им «руси» Константина Багрянородного. Развивая идею более позднего – аланского – происхождения руси, А.Г. Кузьмин и Е.С. Галкина пришли к выводу о том, что «...названия порогов ведут к "Руси-тюрк", причем именно к Балтийской Руси, поскольку за салтовцами русские летописи устойчиво сохраняли название ясов. Возникновение двух рядов названий (славянских и русских), видимо, надо отнести к IX в., когда еще реально сохранялось двуязычие. Славянские именатитулы в договорах (Руси с греками. – А. Т.) свидетельствуют о переходе верхушки алано-русов полностью на славянскую речь» [20, с. 474].

Итак, алано-русы (русы Олега и Игоря) пришли в 882 г. в Киев именно с Севера. Но как они там оказались и, что не менее, а может быть и более важно, где именно на Севере они обосновались? На эти вопросы, в особенности на последний, нашим авторам убедительно ответить не удалось. Зато в иранском именослове они находят «имя договора Алвад», а вкупе с ним – Мутур и даже Олег, подыскав ему иранскую параллель – Халег [20, с. 473–474]. При всех различиях только что рассмотренных этногенетических конструкций, их роднит одно – иранское происхождение.

Казалось бы, что очевидного расхождения двух «иранских» концепций удалось избежать С.П. Толстову, который еще в послевоенные годы стремился реабилитировать в глазах широкой научной общественности гипотезу

Ломоносова – Иловайского о происхождении Руси от роксалан. Приведем один из его главных выводов: «Есть все данные предполагать, что сложившееся на базе древнего сармато-аланского, resp. роксоланского и аорсского, населения северо-кавказское, подонское и нижневолжское славянство ... продолжало жить в составе хазарских и болгарских политических объединений, оставшихся сармато-славянскими под тонким внешним покровом гунно-тюркских политических форм» [17, с. 55].

Легко заметить, что С.П. Толстов не только заметно удревнил «линию идеологической и политической преемственности» между средневековым государством Русь и его иранскими предшественниками, доводя ее до «массагетской государственности античности», но и подчеркивал непрерывность такого рода преемственности. Пожалуй, наиболее слабым звеном его концепции оказались попытки обнаружить «северокавказское» и «нижневолжское славянство», гипотезы о «древнем, никуда не уходившем славянском населении Хазарской державы», о «славизме древних болгар», которые до сих пор не нашли своего фактического подтверждения [17, с. 52, 55]. Не нашлось сторонников и постулируемой С.П. Толстовым идеи о том, что «у истоков политической истории нашей страны» находилась целая «система средневосточных государств позднего эллинизма, возглавленных генеалогически связанными между собой массагетско-скифскими династиями» [17, с. 49].

Соглашаясь с С.П. Толстовым в том, что влияние степной модели государства на Древнюю Русь неоспоримо, приходится констатировать очевидное: автор, всецело увлеченный поиском древнейших истоков Руси, оставил вне поля зрения целый ряд важных вопросов. К их числу мы должны отнести следующие: почему-то первый православный иерарх из славян, киевский митрополит Иларион, даже крестителя Руси титулет по-тюркски «каганом»; почему-то ближайшее окружение Владимира Святославича и его далеких потомков – правителей Руси вплоть до Петра I, величали опять-таки по-тюркски «болярами», «боярами»; почему-то лингвисты-тюркологи настаивают на том, что без использования тюркской лексики невозможно адекватное прочтение важнейшего литературного памятника киевской эпохи – «Слова о полку Игореве».

Памятуя об этом, принимая во внимание символичность всякой культуры, есть смысл обратить самое пристальное внимание на такой символ, присущий древнерусской культуре, который своими корнями уходит в далекое прошлое, но является общим наследием не только иранцев и славян, но и тюрков. Именно таким символом является знаменитый трезубец – сакральный символ верховной власти правящего рода Рюриковичей, который прошел длинный исторический путь, прежде чем украсить собой золотые и серебряные монеты Владимира Святославича. Проследив его в специальном

исследовании, Н.А. Соболева пришла к выводу о том, что он представляет собой «иранский вклад в древнерусскую духовную культуру» [21, с. 39]. Удержав в себе древний иранский символ, культура Древней Руси смогла передать его нашим современникам-украинцам. Тем самым лишний раз подтверждается правота замечания Ю.М. Лотмана, высказанного им по другому поводу: «Символ никогда не принадлежит какому-либо синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [22, с. 11–12].

В свете изложенного материала, отразившего сведения об ирано-славянских и ирано-русских отношениях, сводить роль кочевых народов в истории Руси к одним лишь нашествиям и набегам, как это нередко делают адепты норманизма и европоцентризма, совершенно неверно. Реальная история взаимоотношений славян и иранцев, а позднее славян и тюрков, нередко принимала симбиотические формы. Своеобразным преломлением подобных контактов стали двузубцы и трезубцы, получившие название «знаков Рюриковичей», которые, как выяснилось, имели много общего с тамгами правящих родов у народов, населявших степную зону Евразии. Так, М.Д. Полубояринова, исследуя использование подобных знаков на керамике и монетах, имевших хождение в Золотой Орде XIII–XIV вв., пришла к выводу о том, что «...принадлежность двузубцев и трезубцев правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого государства» [23, с. 174–175].

Широчайшую распространенность двузубцев и трезубцев среди царствующих родов ряда государств Евразии, будь то «сасанидский Иран, Хорезм Сиявушидов, боспорские цари, русские князья и, наконец, знаки на монетах Джучидов – ханов Золотой Орды и Крымского ханства» [24, с. 56], констатирует и В.Е. Флёрова. Для объяснения этого феномена она принимает гипотезу Г. Янихена, согласно которой «традиционная государственная эмблема Ирана становилась знаком воцарившегося рода нового государственного образования. Знак запечатлевал божественность происхождения института верховной власти» [24, с. 57]. Судя по всему, на Руси проявилась та же тенденция, которая обнаружила себя у многих народов Евразии, в том числе и кочевых. Остается только решить вопрос, каким образом, преодолевая многовековые цезуры, немалые расстояния, минуя социокультурную специфику тех или иных народов, такой знак попал на Русь? В самой общей форме, отрицая прямую генетическую связь между знаками боспорских царей или среднеазиатскими тамгами и знаками киевских князей, свой ответ еще в середине прошлого века сформулировал П.Н. Третьяков: «В настоящее время речь может идти лишь о том, что до возникновения знака киевских князей

знаки точно такой же системы, точно такого же орнаментального мотива бытовали у разных племен на восток от Днепра» [25, с. 216].

К таким племенам, громко заявившим о себе начиная с VI в., исследователи чаще относят не «росов», а болгар и хазар, которые поочередно доминировали в южнорусских степях в период, предшествующий возвышению Руси.

Примерно в 668 г. умер правитель Великой Булгарии Кубрат, его смерть привела к ослаблению могущества болгар и в конечном итоге к их подчинению хазарам. Но не все сыновья Кубрата пожелали подчиниться хазарам, одного из них – хана Аспаруха, возглавившего особую орду, хазары преследовали до реки Дунай. Иранское имя этого хана очевидно, а вот этнический состав его подданных, переселившихся вместе с ним за Дунай, остается до конца неясным. Были ли среди них сарматы? На этот вопрос болгарский археолог Р. Рашев отвечал утвердительно, настаивая на том, что наряду с тюрками и славянами «значительную часть народа Аспаруха» составляли сарматы, которые «активно смешивались» со славянами в рамках пеньковской культуры еще в VII в. [26, с. 87].

Но вернемся к русам, которых А.Н. Поляк, опираясь на данные восточных источников и русского былевого эпоса, локализовал в Подонье – ниже волока, по которому суда и грузы с Волги могли перемещаться в Дон. Заслуживает самого пристального внимания и его трактовка сообщения источника: «Русия находится на джазира», которое норманистами понималось в сугубо ограничительном смысле – «русы проживают на острове». На самом деле, как справедливо подчеркивал А.Н. Поляк, арабское слово «джазира» означало не только «остров», но и «полуостров», «междуречье». Используя другое, нежели норманисты, значение этого слова, он дает собственный перевод: «Русия находится на суше у вод». Поэтому вместо Северо-Запада Руси, где норманисты среди множества озер и островов до сих пор пытаются найти «остров русов», востоковед отдавал предпочтение другому региону – междуречью Волги и Дона, соответственно, русов, создававших на данной территории свои «речные поселения», он именовал «волго-донскими русами». Избранный им регион примечателен еще и тем, что здесь «русы соседствовали с тюрко-иранским населением и где топонимика была смешанная» [27, с. 90].

Особый интерес в этом плане представляют сведения, содержащиеся на знаменитой карте сицилийского географа XII в. Идриси, на которой, как отмечал еще Д.Т. Березовец, фигурирует город с необычным названием – Русь-Тюрк. По мнению Д.Т. Березовца, его «нельзя рассматривать иначе как желание автора карты подчеркнуть, что здесь оно обозначает не Русь славянскую, широко известную в его времена, а Русь древнюю – Тюркскую» [28, с. 67]. Хотя сам Б.А. Рыбаков, на чью статью «Русские земли на карте Идриси

1154 года» ссылаясь украинский археолог, предпочитал сокращенное название этого города – Русия или же Росия, известное по византийским источникам [29, с. 19].

Общее направление размышлений Д.Т. Березовца нельзя не признать верным. В пользу его точки зрения следует привести другое свидетельство Идриси: «Кокиана населена тюрками, известными как русы» [30, р. 401].

По поводу точного местоположения данных городов между историками ведутся давние споры, Б.А. Рыбаков в упомянутой статье полагал, что «Русия – это Керчь, древний Корчев», но много позже, комментируя в своей монографии сведения Ибн-Русте о мадьярской работорговле, приводит другое название Керчи – Карх [12, с. 231]. Проанализировав весь комплекс источников, И.В. Волков локализует город Русия не в Крыму, не на месте Боспора Киммерийского, хорошо известного византийцам, а в устье Дона [31].

Столь пристальное внимание историков к «русскому» городу с неславянским населением не могло остаться незамеченным видным лингвистом О.Н. Трубочёвым, развивавшим идею о южном, более раннем, нежели думают норманисты, происхождении Руси. Система его аргументации открывается давней догадкой А.Л. Шлецера о том, что «громкие морские походы на Византию времен патриарха Фотия совершили не Русь славянская, но и не Русь варяжско-скандинавская (NB!), а совершенно особые, дорюриковские, понтийские росы» [10, с. 50]. Решая вопросы «как и откуда все начиналось», он избирает точкой отсчета «приазовский регион», исходящая из которого «радиация» распространялась в северном направлении от Азова, и приводит в особую контактную зону – «Русь-Тюрк» [10, с. 59]. Поясняя свою точку зрения, О.Н. Трубочёв подчеркивает мысль о том, «что достаточно старый славянский элемент прослеживается на Дону и Северском Донце», но и «здесь начинали брать верх тюркские или те смешанные с тюркскими этнические элементы, которые принято обозначать именем салтово-маяцкой археологической культуры» [10, с. 229]. Легко заметить, что в данном месте концепция О.Н. Трубочёва смыкается с гипотезой о тождестве данной археологической культуры с русами восточных источников, предложенной Д.Т. Березовцом, но расходится с ним в части раннего проникновения славян на Дон и Северский Донец. С его точки зрения, «в VIII–X вв. славянское население в Подонье и Приазовье не проживало», ибо здесь обосновались аланы, болгары, гузы. Среди них Д.Т. Березовец особо выделял группу алан, переселившихся в начале VIII в. «в район бассейна Дона» и принесших сюда «свое имя» – русь [28, с. 62, 69].

Новые археологические исследования, как правило, обходили стороной гипотезу Д.Т. Березовца. Но даже те из них, чьи авторы привычно исходили из «скандо-хазарской парадигмы», порой невольно способствовали

корректировке картины, представленной Д.Т. Березовцом. Так, В.В. Колода, заново рассмотрев взаимоотношения славян с многоэтничным населением Северского Донца, обладавшим высокой степенью самостоятельности от правящих кругов Хазарского каганата, резюмирует: они эволюционировали от конфронтации к сосуществованию, сотрудничеству и даже к зарождению «нового этноса». В отличие от Д.Т. Березовца харьковский археолог наблюдает лишь начальную фазу процесса формирования синкретичного этноса, который не получает у него своего завершения, будучи свернутым по причине половецкой угрозы. Аланам, проживавшим вместе с другими этносами в границах выделенной им контактной зоны, В.В. Колода отводит роль хотя и формально зависимого, но все же зависимого от Хазарского каганата населения. Поэтому он не находит места ни для аланской Руси, ни для каганата русов [32, с. 79–82]. Иных выводов от автора, рассматривающего если не все, то очень многие проблемы развития салтово-маяцкой культуры в рамках привычной парадигмы, ожидать не приходится.

Альтернативной версии этногенеза и политогенеза придерживаются Е.С. Галкина и М.И. Жих. С точки зрения Е.С. Галкиной, «к концу VIII в. на территории от левобережья Днепра до Среднего и Нижнего Дона образовалось единое социополитическое объединение с центром, очерченным лесостепным вариантом салтовской культуры». В него «входили оседлые племена североиранского (русы и аланы) и славянского происхождения, а также кочевники – сармато-аланы (асы) и праболгары, первоначально занимавшие подчиненное положение и постепенно переходившие к оседлому образу жизни» [33, с. 300–301]. Спустя некоторое время такое объединение, получившее наименование каганата русов, вступает в смертельную схватку со своими врагами во главе с Хазарским каганатом и гибнет в неравной борьбе. Именно «тогда-то "наидоша Козаре" на русские и славянские земли и наложили дань, переподчинив себе те славянские племена, которые находились под влиянием салтовских русов. На этом и завершается собственно история Русского каганата на Северском Донце, ибо каганатом он уже не являлся» [33, с. 308]. Повествуя о дальнейшей судьбе «салтовских русов», Е.С. Галкина отмечает: «Жители Киевщины должны были ассимилировать какие-то североиранские племена, которыми и были салтовские русы». И как же «салтовские русы» соотносятся со ставшей уже привычной русью Олега и Игоря? Исследовательница дает следующий ответ: «Славянская Древняя Русь, выросшая на пути из варяг в греки, не имела почти ничего общего с русами, упомянутыми в Бертинских анналах под 839 г. Почти ничего. Кроме имени» [33, с. 332–333].

Такой ответ показался неудовлетворительным даже столь последовательному антинорманисту М.И. Жиху, предложившему собственное реше-

ние вопроса «о причинах и механизме переноса этнонима *русь* с салтовских аланов на варягов». В поисках археологического обоснования собственной точки зрения он обращается к работам А.В. Григорьева и В.В. Мурашевой, исследовавшим городище Супруты, расположенное на реке Упе (правый приток Оки) в Тульской области, которым удалось обнаружить следы раннего пребывания варягов на данной территории. Одновременно археологами здесь было зафиксировано влияние салтовской культуры, его-то М.И. Жих счел достаточным основанием для вывода о том, что «в Супрутах базировался варяжский отряд, находившийся на службе у салтовцев», состоявший, как показали наблюдения В.В. Мурашевой, из выходцев с острова Готланд. Из этого вывода следуют два других. Первый посвящается им разрешению загадки, содержащейся в сообщении Бертинских анналов о свеонах – посланниках кагана русов. Коль скоро варяги Супрутов – «федераты» салтовцев, то их правитель-каган использовал именно тех своих людей, кто мог вернуться на территорию каганата кружным путем, минуя угрозу, исходившую от кочевников.

Второй вывод был сформулирован в постановочной форме. «Возникает вопрос, – вопрошает автор, – а что, если та группа варягов, которая обосновалась в Среднем Поднепровье, – это первоначально такие же федераты аланского Русского каганата, как и те, которые жили в Супрутах»? Нетрудно догадаться, что на этот вопрос последовал утвердительный ответ. Причем одним из главных аргументов здесь станет «салтовская тамга», вошедшая в историю под именем «знаков Рюриковичей», полученная ими в качестве вассалов правителей каганата русов. Влияние салтовской культуры на данную группу варягов было настолько значительным, что всем своим внешним видом (прической и одеждой) они стремились подражать салтовцам. Неудивительно, что в результате этого процесса «на варягов был перенесен и этноним *русы*» [34, с. 191–192].

Сохранив ядро аланской модели, М.И. Жих дополняет его такими новеллами, которые не только способствуют уточнению и развитию ее основных положений, но и выступают в роли «стыковочных элементов» между предысторией Руси и ее летописной историей, включая интеграцию всех восточных славян в границы одного государства. При этом инкорпорация данных элементов в состав этой модели не меняет ее сути, так как первоначально им были отведены сугубо вторичные и вспомогательные роли. И только с крушением «аланского Русского каганата» летописные варяги выходят на первый план, решая задачи социополитической интеграции, начало которой было положено задолго до захвата ими Киева, и которая во многом происходила под влиянием салтовского социокультурного фактора. Иначе говоря, интегративный процесс в этом случае выглядит процессом вторич-

ным и производным, представляющим собой реализацию давней вековой традиции, сформировавшейся в пределах «Русского каганата». Такова в самых общих чертах одна из социокультурных моделей истоков Руси, в которой многое, слишком многое остается гипотетичным. Кроме того, тюркский компонент в ней лишь упоминается, но ее роль в процессах этногенеза и политогенеза как у салтовцев, так и у их преемников остается не раскрытой, что, вне всякого сомнения, следует отнести к слабым сторонам этой модели.

Ее эволюция, происходившая на протяжении целого ряда десятилетий, если исключить более ранние версии, сопровождалась сосуществованием нескольких близких друг другу, но все же различающихся между собой гипотез. Это и понятно – разные ученые, решая одни и те же вопросы в разное время, используя несколько отличные источники, приходили к сходным, порой совпадающим, но нередко все-таки отличающимся выводам. Любая модель русского этногенеза и политогенеза по определению обладает междисциплинарным характером. Не является исключением в этом плане и рассматриваемая в настоящей статье модель – ее разработчикам приходится использовать очень многие достижения других наук. Собственные же познавательные возможности специалистов в данной сфере, как правило, распределены по всему полю исследования неравномерно. Поэтому недостаточную эмпирическую обоснованность того или иного момента модели им приходится компенсировать логическими конструктами. Налицо определенный дисбаланс между историческим и логическим, который, вне всяких сомнений, повышает уязвимость данной модели для критики. Как бы то ни было, такая модель – яркое свидетельство актуальности евразийского подхода к истории Руси, к выявлению ее реальных социокультурных истоков.

Список источников

1. Милюков П.Н. Евразионизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиция. Культура / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Наука, 1994. С. 58–66.
2. Лихачёв Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–121.
3. Хлезов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 1997. 109 с.
4. Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX – начало XX века : учеб. кн. для 10–11-х кл. общеобразоват. учреждений. М. : Просвещение, 1995. 319 с.
5. Основы современной цивилизации. Ч. IV. Человек и общество : учеб. пособие для общеобразоват. учеб. заведений / под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. М. : Бюро Денди, 1992. 255 с.

6. Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1996. 667 с.
7. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia // Journal of the American Oriental Society. 1925. Vol. 45. P. 68–71. URL: <https://ia601604.us.archive.org/24/items/in.ernet.dli.2015.531096/2015.531096.journal-of.pdf>.
8. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира / Рос. акад. наук ; Ин-т славяноведения. М. : Индрик, 1999. 325 с.
9. Трубочёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М. : Наука, 1991. 271 с.
10. Трубочёв О.Н. К истокам Руси: народ и язык. М. : Алгоритм, 2013. 304 с.
11. Марр Н.Я. Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении // Марр Н.Я. Избранные работы : в 5 т. Л. : ГАИМК, 1935. Т. 5. С. 44–66.
12. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. : Наука, 1982. 590 с.
13. Каганкатваци М. История агван : пер. с арм. СПб. : Тип. Акад. наук, 1861. 376 с.
14. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л. : ЛГУ, 1979. 216 с.
15. Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М. : Вост. лит., 2000. С. 120–126.
16. Гаркави А.Я. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. (Съ половины VII вѣка до конца X вѣка по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А.Я. Гаркави. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1870. 308 с.
17. Толстов С.П. Из предыстории Руси // Советская этнография : сб. ст. М. : Наука, 1947. Вып. VI–VII. С. 39–59.
18. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М. : Наука, 1991. 496 с.
19. Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) : сб. науч. тр. / отв. ред. П.П. Толочко. Киев : Наукова думка, 1985. С. 19–30.
20. Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров руссов // Славяне и Русь: проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А.Г. Кузьмин. 3-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 1999. С. 456–481.

21. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М. : Языки славянских культур : Знак, 2006. 487 с.
22. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 10–21.
23. Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей : сб. ст. / отв. ред. С.А. Плетнева. М. : Наука, 1980. С. 165–212.
24. Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М. : Мосты культуры, 2001. 159 с.
25. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.
26. Рашев Р. Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 80–92.
27. Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М. : Наука, 2001. С. 79–108.
28. Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія*. 1970. Т. XXIV. С. 59–74.
29. Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1952. № 43. С. 3–44.
30. Jaubert P.-A. *Géographie d'Edrisi by Idrīsī, approximately 1100–1166*. Paris: Impr. Royale, 1836–1840. Vol. II. 504 p. URL: <https://archive.org/details/gographiededrisi01idri>.
31. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов ; Ин-т археологии. М. : Наука, 2003. С. 108–130.
32. Колода В.В. Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект // *Поволжская археология*. 2015. № 4 (14). С. 54–91.
33. Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М. : Алгоритм, 2012. 336 с.
34. Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // *Исторический формат*. 2018. № 3-4. С. 176–245.

References

1. Milyukov P.N. Eurasianism and Europeanism in Russian history. In Chubaryan A.O. (ed.). *Evropejskij al'manah. Istoriya. Tradiciya. Kul'tura* [European Almanac. History. Tradition. Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 58–66. (In Russian).

2. Likhachev D.S. You Can't Get away from Yourself ... Historical Identity and Culture of Russia. *Novyj mir = New World*, 1994, no. 6, pp. 113–121. (In Russian).
3. Khlevov A.A. *Normanskaya problema v otechestvennoj istoricheskoj nauke* [The Norman Problem in Russian Historical Science]. St Petersburg University, 1997. 109 p.
4. Ionov I.N. *Rossijskaya civilizaciya. IX – nachalo XX veka* [Russian Civilization. IX – early XX century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. 319 p.
5. Bogolyubov L.N., Lazebnikova A.YU. (eds.). *Osnovy sovremennoj civilizacii* [Foundations of Modern Civilization]. Moscow, Byuro Dendi Publ., 1992. pt. 4. 255 p.
6. Adrianova-Peretz V.P. (ed.). *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 667 p.
7. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia. *Journal of the American Oriental Society*, 1925, vol. 45, pp. 68–71. Available at: <https://ia601604.us.archive.org/24/items/in.ernet.dli.2015.531096/2015.531096.journal-of.pdf>.
8. Vasiliev M.A. *YAzychestvo vostochnyh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: Religiozno-mifologicheskoe vzaimodejstvie s iranskim mirom. YAzycheskaya reforma knyazya Vladimira* [Paganism of the Eastern Slavs on the Eve of the Baptism of Rus: Religious and Mythological Interaction with the Iranian World. Pagan reform of Prince Vladimir]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 325 p.
9. Trubachev O.N. *Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs. Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 271 p.
10. Trubachev O.N. *K istokam Rusi: narod i yazyk* [To the Origins of Russia: People and Language]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 304 p.
11. Marr N.YA. Book Legends about the Foundion of Kiev in Russia and Kua-ra in Armenia. In Marr N.YA. *Izbrannye raboty* [Selected Texts]. Leningrad, State Academy of the History of Material Culture Publ., 1935, vol. 5, pp. 44–66. (In Russian).
12. Rybakov B.A. *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and Russian principalities of the XII–XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 590 p.
13. Kagankatvaci M. *Istoriya agvan* [History of Aghvan]. St. Petersburg, Printing house of the Academy of Sciences Publ., 1861. 376 p.
14. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic History of the North Caucasus IV–X Centuries]. Leningrad State University Publ., 1979. 216 p.
15. Klyashtorny S.G. «The people of Asparukh», the Huns of the Caucasus and the Ancient Turkic Olympus. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 god. Pamyati chlena-korrespondenta RAN Anatoliya Petrovicha Novosel'ceva* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 1998 year. In memory of Corres-

ponding Member of the Russian Academy of Sciences Anatoly Petrovich Novoseltsev]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 120–126. (In Russian).

16. Garkavi A.YA. *Skazaniya musul'manskih" pisatelej o slavyanah" i russkih". (S" poloviny VII vĕka do konca H vĕka po R. H.)* [Tale of Muslim Writers about the Slavs and Russians. (From Half of the 7th Century to the End of the 10th Century According to R.Kh.)]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1870. 308 p.

17. Tolstov S.P. From the History of Russia. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1947, iss. VI–VII, pp. 39–59. (In Russian).

18. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P. (eds.). *Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej* [Konstantin Bagryanorodny. On the Management of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

19. Braichevsky M.YU. «Russian» Names for the Rapids at Konstantin Bagryanorodny. In Tolochko P.P. (ed.). *Zemli YUzhnoj Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arheologiya)* [Lands of South Russia in the IX–XIV Centuries. (History and Archeology)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1985, pp. 19–30. (In Russian).

20. Galkina E.S., Kuzmin A.G. The Russian Khaganate and the Island of the Russians. In Kuzmin A.G. *Slavyane i Rus': problemy i idei: koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v hrestomatijnom izlozhenii* [Slavs and Rus: Problems and Ideas: Concepts Born of Three Centuries of Polemics, in a Textbook Presentation]. 3rd ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 1999, pp. 456–481. (In Russian).

21. Soboleva N.A. *Ocherki istorii rossijskoj simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the History of Russian Symbolism: from Tamga to Symbols of State Sovereignty]. Moscow, YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., Znak Publ., 2006. 487 p.

22. Lotman YU.M. Symbol in the System of Culture. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta = Tartu State University Scholarly Notes*, 1987, iss. 754, pp. 10–21. (In Russian).

23. Poluboyarinova M.D. Signs on the Golden Horde Ceramics. In Pletneva S.A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej* [Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 165–212. (In Russian).

24. Flyorova V.E. *Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii* [The Images and Topics of Khazarian Mythology]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2001. 159 p.

25. Tretyakov P.N. *Vostochnoslavyanskije plemena* [East Slavic Tribes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1953. 312 p.

26. Rashev R. Ethnic Aspect of the Material Culture of the First Bulgarian Kingdom. *Finno-Ugrica*, 2008, no. 11, pp. 80–92. (In Russian).

27. Polyak A.N. Eastern Europe of the 9th–10th Centuries in the View of the East. *Slavyane i ih sosedi* [Slavs and Their Neighbors]. Moscow, Nauka Publ., 2001, iss. 10, pp. 79–108. (In Russian).

28. Berezovets D.T. About the Name of the Carriers of Saltivs Culture. *Arheologiya = Archeology*, 1970, vol. XXIV, pp. 59–74. (In Russian).

29. Rybakov B.A. Russian Lands on the Map of Idrisi in 1154. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury = Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture*, 1952, no. 43, pp. 3–44. (In Russian).

30. Jaubert P.-A. Géographie d'Edrisi by Idrīsī, approximately 1100–1166. Paris: Impr. Royale, 1836–1840, vol. II. 504 p. Available at: <https://archive.org/details/gographiededrisi01idri>.

31. Volkov I.V. Settlements of the Azov Region in the XII–XIII Centuries. In Makarov N.A., Chernetsov A.V. (eds.). *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Russia in the XIII century: Antiquities of the Dark Time]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 108–130. (In Russian).

32. Koloda V.V. Relationships between the Slavic World and the Khazar Khaganate on the Seversky Donets River: an Ethnocultural Aspect. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*, 2015, no. 4 (14), pp. 54–91. (In Russian).

33. Galkina E.S. *Russkij kaganat. Bez hazar i normannov* [Russian Khaganate. Without Khazars and Normans]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 336 p.

34. Zhikh M.I. Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the Problem of Localization of the Rus' Khaganate. *Istoricheskij format = Historical Format*, 2018, no. 3-4, pp. 176–245. (In Russian).

Информация об авторе

Тимонин Анатолий Николаевич –
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
теории государства и права
Института права Башкирского
государственного университета

Information about the Author

Timonin Anatoly Nikolaevich –
Doctor of Law, Professor, Professor of
the Chair of Theory of State and Law
of the Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 16.11.2021.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 16.11.2021.